

Первые два месяца в Восточной столице прошли в спокойствии. Помимо расходов казны на строительство одного буддийского монастыря и одного даосского храма в честь отца, традиционного отбора монахов для перевода и переписки сутр, пожертвований «денег на белила и румяна» на возведение храма Десяти тысяч Будд в Лунмэне и щедрой раздачи денег и шёлка на благие дела, матушка не предпринимала значительных действий. Император сменился, Тибет и тюрки совершили несколько вылазок, но в армии имелись прославленные полководцы: Пэй Синцзянь, Чэн Утин, Хэчи Чанчжи, а при дворе — Лю Жэньгуй, так что серьёзной угрозы не было.

Первый месяц первого года эры Вэньмин прошёл в праздничной атмосфере. В конце месяца моя усадьба в квартале Шаншань была достроена, и мне пришлось с неохотой попрощаться с А-Хуань и её детьми, чтобы переехать в новое владение.

Словно желая особо подчеркнуть свою благосклонность, матушка не только велела Управлению небесных явлений выбрать благоприятный день, а Министерству ритуалов назначить чиновника для проведения обряда переселения, пожаловала мне двух карликов, двух служанок из Силла, двадцать казённых служанок и труппу музыкантов с танцовщицами, но и от имени Ли Даня приказала подготовить посещение моей усадьбы во втором месяце.

Хотя от дворцового города до моей усадьбы было не более десяти ли, а гостями должны были стать моя родная мать и «младший брат», подготовка к встрече императорского экипажа была делом непростым. Едва я проводила родственников, пришедших с поздравлениями, и чиновников из Управления астрологии и Министерства ритуалов, даже не успев предаться печали разлуки с А-Хуань, как поспешно собрала домашних, чтобы обсудить приготовления к высочайшему визиту.

Теперь у меня были собственные чиновники: управляющий домом — один, его помощник — один, секретарь — один, а также более десяти приказчиков, назначенных матушкой для управления полями и поместьями. Им предстояло ведать моими финансами, хранилищами, приёмами гостей и слугами, заниматься всеми внешними делами. Но я даже не успела познакомиться со всеми.

Создав их, я и обнаружила эту проблему. Помимо подготовки к визиту, нужно было обсудить и домашние дела. К счастью, А-Хуань и Сун Фою ранее уже составили предварительные правила. Я, основываясь на грубом разделении обязанностей, принятом во дворце, распределила обязанности между ними. Затем, по внезапной прихоти, велела Сун, Фэн и трём чиновникам совместно составить новый свод должностных обязанностей и устав резиденции принцессы. После моего просмотра и одобрения их надлежало обнародовать, дабы обязанности были ясны и известны всем. При словах «известны всем» я вспомнила, как в школе заучивала наизусть школьные правила и предписания. По внезапному порыву я отдала ещё один приказ: все в усадьбе должны выучить эти правила наизусть и понимать их смысл.

Сун Фою и прочие, давно сопровождавшие меня из дворца, уже привыкли к моей непоследовательности. Сун и Фэн, как старшие, стояли, засунув руки в рукава, и не вымолвили ни слова. Несколько младших по положению наперебой принялись выражать одобрение. Трое чиновников и приказчики же остоленели. Управляющий домом Лю Хоудэ, как старший по рангу, вынужденно выступил вперёд и деликатно указал мне, что в усадьбе много слуг, большинство вовсе неграмотны. Из остальных же многие умеют лишь написать своё имя да простые цифры — не официальные полные иероглифы, а упрощённые знаки, используемые в народе для учёта, которые, как говорится, «грубы и недостойны взора благородных». Заставить их понять смысл этих обязанностей уже трудно, а уж заучить наизусть — и вовсе, пожалуй, невыполнимая задача.

Я взглянула на Лю Хоудэ. Судя по его послужному списку, ему уже сорок шесть лет. Он происходил из боковой ветви семьи Лю из Гуаньчжуна, более двадцати лет служил мелким чиновником в различных уездах, прошёл все шесть отделов, был начальником почтовой станции, управлял водным транспортом — настоящий опытный деляга. Приказ Цзунчжэн направил такого человека управляющим ко мне явно из уважения к матушке. Но именно из-за его опыта и старости в делах он не мог не быть склонным к отговоркам и проволочкам. Да ещё, видя, что я молодая женщина, при первом же моём распоряжении решил меня немного прощупать — что тоже вполне объяснимо.

С такой ситуацией я сталкивалась не впервые. Сначала хотела самостоятельно проявить милость и строгость, припугнуть его, но передумала и обратилась к тем, кто вышел со мной из дворца:

— А вы что думаете?

Сяолан сказала:

— Раз это приказ принцессы, хоть на гору из мечей лезь — выполнять надо, не то что какое-то заучивание!

Фэн Шилян добавил:

— Кто выучит хорошо и быстро — получит награду, кто не выучит — строго накажем. Вот и не будет таких, кто не сможет!

Лю Хоудэ, услышав их слова, уже улыбался. А когда Сяньсянь сказала: «По-моему, лучше всего переложить эти правила на песни, как делают наставники при проповедях. Так заучивать будет легче», — он повернулся и посмотрел на меня. Я поняла, что прошла его проверку, но в душе возникла лёгкая досада. Я равнодушно произнесла:

— Поступайте, как они сказали. Составьте два свода песен: один о должностях, другой о правилах усадьбы. Все обитатели усадьбы, от мала до велика, должны их выучить. Чётко установите награды и наказания. Это дело поручается управителю Лю. Подготовка к встрече экипажа — по такому же принципу. Вы, сообщая, составьте план, кто за что отвечает, всё распишите, с наградами и взысканиями. Впредь все дела в усадьбе можно вести таким же образом.

Улыбка Лю Хоудэ стала ещё шире. Без лишних слов он сложил руки в приветствии и принял приказ. Собираясь удалиться, он словно внезапно вспомнил и с лукавой улыбкой спросил:

— О таком важном деле, как встреча экипажа, следует ли доложить мужу?

Лишь тогда, по его напоминанию, я осознала, что уже более десяти дней не слышала вестей о Чжэн Бо.

* * *

Почему-то, хотя размеры усадьбы в Лояне были такими же, как в столице, а слуг было даже меньше, житейских хлопот оказалось куда больше. Помимо всех домашних дел, прибавилось множество светских приёмов и визитов. После того как Чжэн Бо лишили реальной должности, таких дел поубавилось, однако частые пожалования матушки в пути вновь увеличили их число.

Последние несколько месяцев я отказывалась от приглашений родственников под предлогом

неудобства проживания во дворце. Теперь же, как только я выехала наружу, визитные карточки и пригласительные записки хлынули потоком, заполнив стол в кабинете.

Прочих можно было как-то отшить, но от недавно назначенного Тун чжуншу мэнся пинчжанши У Чэнсы, получившего, как и я, пожалованную усадьбу в квартале Шаншань У Саньсы, почтенной тётушки принцессы Цяньцзинь, тётушки Цинхэ и тётушки Синьянь отказываться было никак нельзя.

Принцессы Цяньцзинь и Цинхэ в своих записках приглашали женщин императорского рода на прогулку по реке, чтобы полюбоваться весной — это ещё куда ни шло. А вот принцесса Синьянь прислала приглашение от имени своего мужа, созывавшее литераторов на пиршество с сочинением од и стихов. Нас, женщин, приглашали наблюдать с отдельной галереи. У Саньсы и У Чэнсы же и вовсе пригласили прямо Чжэн Бо, а тот должен был «привести» и меня. Выходило, без Чжэн Бо я даже на внешний пир не могла отправиться.

Я до смерти ненавидела правила и ограничения этой эпохи. Но как ни претило, пришлось сначала разыскать Чжэн Бо. Вспомнив, что Лю Хоудэ упомянул о нём, не знал ли он чего, я отпустила чиновников, но тайно велела служанке задержать его и провести в задние покои. Там я окольными словами поинтересовалась, где обретается Чжэн Бо. Лю Хоудэ не стал юлить и прямо сказал:

— Слухом земля полнится, что на севере города, в квартале Сыгун, проживает некая старая Чжу, с которой муж издавна знаком. Может, принцессе стоит послать кого туда навестить?

Я, видя его улыбку и выражение, будто он что-то недоговаривает, затаила подозрение. Призывая Фэн Шиляна, особо наказала: «Сначала пошли людей разведать. Если что-то будет, сначала доложи мне, не действуй самочинно». Фэн Шилян позвал двух мелких евнухов, которых обычно использовал, велел им переодеться в простую служительскую одежду, ехать на мулах в квартал Сыгун. Вернувшись с докладом, он вдруг добавил:

— Княгиня Лулин прислала поздравительных гонцов.

Я как раз перебирала бумаги, не находя записей от А-Хуань, и пребывала в унынии. Услышав, что она прислала людей, сердце сразу потеплело. Велела ввести. Тотчас же увидела женщину-чиновника из её дворца Сюэ Чжэнь, ведущую двух дворцовых служанок. Обе были одеты в тёмно-синие одеяния, в руках держали корзины в форме лотоса. Изящно поклонившись, Сюэ Чжэнь подала визитную карточку и список подарков. Я с первого взгляда узнала почерк А-Хуань, ещё раз с улыбкой пробежалась глазами по её имени и спросила:

— Всё ли хорошо у княгини? В прошлый раз, когда я видела Далана, он, кажется, плохо кушал. Теперь поправился?

Сюэ Чжэнь ответила:

— Княгиня в порядке, живёт по строгому распорядку. Далан теперь тоже поправился, кушает шесть раз в день без перерыва. Княгиня послала нас поздравить принцессу и, помимо подарков по списку, передать две корзины персидских фиников.

Две служанки подали корзины. Я заглянула и увидела, что это финики нового урожая, выращенные в этом году в Линнане. А-Хуань получила их уже второй партией; у меня же уже имелось несколько больших корзин, даже лучше прошлогодних иноземных данических. Непонятно, зачем она снова прислала мне это... Но раз уж это от неё, даже если бы финик был гнилым, я бы всё равно обрадовалась.

<http://bllate.org/book/16278/1467137>